

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-218

EDN: BFLOKK

Стратегия самопрезентации и ее исчисление методом параметризации в латиноамериканском политическом дискурсе

Евгений Владимирович Бочаров

Старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

bev95@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4883-7635>

Аннотация. Объектом параметризации является дискурс как пространство коммуникации, представленный системой координат (специфическими коммуникативными параметрами), которые способны охарактеризовать высказывание с точки зрения аксиологической характеристики и социального контекста. Описание стратегии самопрезентации политика является одним из способов параметризации публичных выступлений. На фоне роста интереса со стороны ученых и специалистов разных областей к изучению способов эффективного речевого воздействия в публичной плоскости выявление стержневых характеристик и особенностей политической коммуникации становится актуальным вектором дискурсивных исследований. Совокупность используемых методов лингвистического анализа позволила прийти к важным выводам о специфике политической коммуникации латиноамериканских политиков. Во-первых, было доказано, что основным элементом стратегии самопрезентации является «я / мы-прием». Во-вторых, стратегия самопрезентации богата апелляциями к прецедентным феноменам, ориентированным на усиление собственной позиции или убеждение в правильности проводимого политического курса. В-третьих, политические сообщения содержат апелляции к статистике, знание которой усиливает ингерентный имидж политика. Подобные апелляции содержат отрицательную и положительную оценку в зависимости от интенции оратора. В условиях идеологической поляризации стран Латинской Америки речи лидеров стран региона характеризуются дихотомией «богатый-бедный», популизмом, демонизацией оппонентов посредством отрицательно маркированной лексики, лексикой эмотивной и оценочной семантики. Консолидационная функция современной политической речи латиноамериканских политиков реализуется посредством деления на два идеологически оппозиционных блока: «проамериканский» и «просевероамериканский», имеющих строгие коммуникативные параметры. Проведенное исследование свидетельствует о том, что выявленные компоненты стратегии самопрезентации обладают значительной прагматической и экспрессивной функцией.

Ключевые слова: политический дискурс; латиноамериканский дискурс; стратегия самопрезентации; параметризация; институциональный дискурс; коммуникативные тактики; внешняя адресация; прагмалингвистика

Для цитирования: Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации и ее исчисление методом параметризации в латиноамериканском политическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 218–227. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-218>. <https://elibrary.ru/BFLOKK>

Original article

Self-presentation strategy as a method of parameterization of speeches by latin american politicians

Evgeny V. Bocharov

Senior lecturer at the department of linguistics and intercultural communication, faculty of distance learning, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka Street, 38

bev95@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4883-7635>

Abstract. The parameterization of discourse focuses on its communicative domain, defined by specific communicative parameters that describe utterances based on their axiological characteristics and speech context. Public addresses can be parameterized by describing a politician's self-presentation strategy. With growing interest in studying effective speech influence in public settings, identifying core features of political communication has become crucial in discourse research. Linguistic analysis methods have provided insights into latin american political communication. The

primary element of self-presentation strategy is the «I / we-technique». Self-presentation strategies also include appeals to precedent phenomena to strengthen one's position or convince others of the validity of the political course. Political messages often include references to statistical data that elicit emotional responses from the audience. These appeals can have negative or positive connotations depending on the speaker's intent. In the context of ideological polarization in latin american countries, regional leaders often use the «rich-poor» dichotomy, populism, and demonization of opponents through negative language and evaluative semantics. Contemporary political speech in Latin America is divided into two ideologically opposing blocs: «pro-american» and «pro-north american», each with distinct communicative parameters. The identified components of self-presentation strategies hold significant pragmatic and expressive value.

Key words: political discourse, latin american discourse, self-presentation strategy, parameterization, institutional discourse, communicative tactics, external addressing, pragmalinguistics

For citation: Bocharov E. V. Self-presentation strategy as a method of parameterization of speeches by latin american politicians. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):218–227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-218>. <https://elibrary.ru/BFLOKK>

Введение

Исследование публичной политической речи государственных и политических лидеров представляет собой динамически развивающееся направление в современном языкознании (Э. В. Будаев, О. И. Воробьева, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, Р. Сар, Q. Cassam, P. Chilton, C. Mills, J. Pan, J. Saul и др.). Актуальность выбранной темы обусловлена повышенным интересом специалистов (лингвистов, политологов, политтехнологов) к изучению способов речевого воздействия и поиску эффективных стратегий самопрезентации в политическом дискурсе.

В научной литературе (Л. Альтюссер, Р. Барт, М. М. Бахтин, П. Бурдьё, А. Грамши, М. Пешё, М. Фуко, Ю. Хабермас) *политический дискурс* трактуется как властный ресурс, выполняющий функции (а) конструирования и деконструирования социально-политического образа мира; (б) регулирования, распределения и воспроизводства властных отношений; (в) формирования социальных, политических и идеологических идентичностей как способа позиционирования по принципу «свой – чужой»; (г) артикуляции социальных притязаний, интересов, ценностных ориентаций в политической борьбе [Русакова, 2008, с. 118]. Политический дискурс, наряду с дипломатическим, юридическим, религиозным и др., позиционируется как часть институционального дискурса – общения в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Основным признаком институционального дискурса изначально называлось наличие двух участников – агентов и клиентов [Карасик, 2000]. Позднее О. Л. Михалева дополнила понимание институционального дискурса, выделив адресанта (говорящего), прямого адресата (слушающего) и адресата-наблюдателя (народ) [Михалева, 2009].

Относительно недавно в обиход научного инструментария было введено исследование стратегии самопрезентации политика, которая определяет выбор речевых формул, языковых средств и тактик, согласующихся с интенциями ораторов. При этом в исследовании институционального дискурса просматривается определенное поле, к которому относятся публичные выступления лидеров латиноамериканских стран на Генеральной Ассамблее ООН (ГА ООН), требующее дальнейшего научного осмысления и систематизации уже накопленного знания. В этой связи параметризация политического языка латиноамериканских лидеров, выступающих на Генеральной Ассамблее ООН, имеет особый научный интерес, поскольку содержание подобных выступлений определяется историческими, социокультурными и изменчивыми общественно-политическими факторами. Описание семиотической сущности деловитивного имиджа, представленной *ингерентным имиджем политической персоны* [Тамразова, 2020], является сопутствующей задачей параметризации.

Обзор литературы и определение направления исследования стратегии самопрезентации применительно к латиноамериканскому дискурсу

Стратегия определена И. Ф. Исламовой как значимая для речевого поведения языковой личности соотносительность типа позиции в коммуникации («чужому» / «другому»), включающая моделирование отношений «адресант – адресат», и текстовой модели дискурса как языкового способа представления этой позиции [Исламова, 2024]. Выбор стратегии, согласно Л. Г. Хоревой, «всегда совершается в соответствии с позицией, которую занимает субъект речи по отношению к тому, что он говорит, а также по отношению к

адресату высказывания» [Хорева, 2022, с. 47]. Е. В. Шелестюк и А. С. Варламова называют коммуникативную стратегию коммуникативно-прагматической категорией, связанной с закономерностями коммуникации и речевого воздействия [Шелестюк, Варламова, 2024]. Некоторые исследователи связывают речевое воздействие с прямой ложью, намеренным введением в заблуждение, политикой «собачьего свистка» [Saul, 2018], другие обращают внимание на прагматические импликатуры глаголов, содержащие пресуппозитивную интерпретацию [Chilton, 2023], или на преследуемую политиком задачу легитимизировать себя и делегитимизировать другого [Сар, 2021]. Отдельное внимание уделяется прецедентным именам [Будаев, 2021]. С точки зрения прагматики специфика анализа публичных политических выступлений получила подробное описание в трудах зарубежных ученых [Pap, 2024; Bertroual, Thielemann, 2024].

Стратегия самопрезентации была изучена с различных ракурсов, например, политической лингвоперсонологии [Ахмадеев, 2022], оформления интернет-блогов [Лежнина, Шаховнина, 2023], персуазивных особенностей в ток-шоу [Игнатенко, Вавиленкова, 2023], языковой личности блогера [Антонова, Лебедева, 2015], англоязычных СМИ [Федорова, Николаева, 2016] и др. Применительно к исследованию дискурса латиноамериканских политиков мы определили стратегию как «намеренное поведение политика-адресанта, направленное на создание и закрепление индивидуального (своего) или коллективного (странового) статуса и имиджа с целью извлечения личной, политической, экономической или имиджевой выгоды» [Бочаров, 2024, с. 122].

Будучи регионально обусловленным, политический язык латиноамериканских политиков испытывает интерференцию ценностей и идеологии широких масс, коммуникативная деятельность которых развивается в определенных географических границах. Одним из примеров такого процесса является латиноамериканский дискурс (ЛД), который строился на последовательном разграничении «своего» и «чужого», то есть на диалектике самообретения через отрицание. Он сосредотачивается на таких понятиях, как единая культурная идентичность, историческое наследие, этническое многообразие и общие «народные» ценности, выраженные обращениями к символическим фигурам, историческим событиям и культурным практикам. ЛД начал формироваться в первой четверти XX в. Его кон-

цептуальное и идеологическое наполнение определили такие исторические события, как Мексиканская революция (1910–1917), создание Американского народно-революционного альянса в Перу (1931), зарождение и формализация перонистского движения в Аргентине (1945), победа Кубинской революции (1959) на фоне частой смены политических режимов в условиях ожесточенной избирательной и идеологической борьбы [Bolívar, Block, 2024]. В качестве отличительной категории латиноамериканского дискурса называется дискурс расизма и дискриминации как свидетельство противоборства коренных народов и потомков колонизаторов [van Dijk, 2009]. Одной из основополагающих черт ЛД стал популизм как ответ на вызовы переходного периода. По словам О. Ю. Бондарь, в ядре популизма содержится (а) установка на холизм и историческая оправданность коллективной субъектности; (б) подмена понятия народного типа коллективной идентичности национальной по принципу «ex negativo»; (в) синдром «авторитарного рефлекса» – парадигма политического поведения, определяющегося иррациональной верой в харизматическую личность (вождя); (г) этатистско-патерналистская форма государственного устройства, утверждающая ведущую роль государства в политической и социальной жизни общества; (д) отцовско-сыновний характер отношений власти и граждан; (е) патрон-клиентские отношения как способ социальной и политической интеграции [Бондарь, 2016].

Анализ речевого общения в рамках статусно-ролевых отношений требует учитывать коммуникативное намерение оратора. Публичная речь всегда обращена к массам или группам (целевой аудитории) с целью информировать, убедить, аргументировать и др. Наблюдения исследователей (В. М. Лейчик, Дж. Остин, Дж. Серль и др.) показывают, что высказывания, имеющие одно и то же лексическое, грамматическое или синтаксическое оформление, могут иметь различные прагматические функции.

Данная теоретическая рамка позволяет говорить о том, что дискурс политиков на ГА ООН обладает определенным набором языковых форм, речевых формул и тактик воздействия, детерминированных прагматической рамкой коммуникативной ситуации. При этом важно помнить о том, что публичные выступления в ООН носят ярко выраженный декларативный характер с определенной степенью ангажированности, в котором находит свое отражение со-

временный социально-политический контекст в стране и в мире. Таким образом, данный тип публичных выступлений преследует цель убедить и сопровождается различными имплицитными и эксплицитными иллокутивными актами, которые образуют интенциональное поле высказывания.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений, сделанные на испанском языке политиками-лидерами стран мира на 73 и 77 сессии Общих прений ГА ООН.

В качестве методов исследования используется *метод лингвистического наблюдения и описания, метод систематизации и классификации, метод дискурсивного анализа, метод прагматической лингвистики, методы сравнительного анализа и обобщения данных.*

Ход и результаты исследования

Цель исследования состоит в проведении параметризации выступлений латиноамериканских политиков на ГА ООН. Объект параметризации – дискурс как пространство коммуникации, структура которого представлена системой координат, измерительными категориями, коммуникативными параметрами, которые позволяют определять смысл высказывания, устанавливать аксиологическую характеристику, определять обстоятельства коммуникации, выстраивать ингерентную имиджевую характеристику. Одним из основных средств, используемых в целях параметризации публичных выступлений, является описание стратегии самопрезентации политика.

Анализ исследования публичных выступлений латиноамериканских политиков показывает, что основным элементом является «я / мы-прием» – особый способ использования местоимений первого лица единственного и множественного числа как части популистского дискурса, в котором «я» лидера трансформируется в «мы», включая сторонников своей идеологии и исключая ее противников [Bolívar, 2017]:

irlo superando **nos ha permitido** obtener muy buenos resultados – *преодоление этого препятствия позволило нам достичь прекрасных результатов* (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН) (перевод используемых источников, цитат и примеров с испанского языка на русский выполнен нами – Е. Б.);

la humanidad que hoy **nos ve y nos escucha** tiene derecho a saber – *люди, которые сегодня смотрят и слушают нас, имеют право знать правду* (из выступления Венесуэлы на 77 сессии ГА ООН);

bajo ese compromiso, **mi gobierno** ya aprobó la Comisión nacional para la implementación de la Agenda 2030 – *в соответствии с этим обязательством мое правительство уже создало Национальную комиссию по реализации Повестки дня на период до 2030 года* (из выступления Гондураса на 73 сессии ГА ООН).

Данный прием также ориентирован на создание положительного образа вокруг себя и своей страны, выражен существительными, прилагательными и глаголами положительного аксиологического модуса (*paz, impactar de manera positiva, comprometido, responsable, capacidades industriales, honrar la confianza, reducir la pobreza* и др.) и глагольными формами 1 л. ед. и мн. ч.:

desplegamos nuestras capacidades industriales y generamos valor agregado – *мы расширяем свои производственные мощности и создаем дополнительную ценность* (из выступления Аргентины на 77 сессии ГА ООН);

hemos reducido la pobreza extrema – *мы снизили уровень крайней нищеты* (из выступления Боливии на 73 сессии ГА ООН);

haremos lo posible por honrar la confianza depositada en nosotros – *мы приложим все усилия, чтобы оправдать оказанное нам доверие* (из выступления Доминиканы на 73 сессии ГА ООН);

México, **como Estado responsable y comprometido** con la promoción de la solución pacífica de las controversias. – *Мексика, будучи ответственным и проверженным принципом мирного разрешения споров государством* (из выступления Мексики на 77 сессии ГА ООН).

En la región, Nicaragua tiene un alto reconocimiento como **factor de estabilidad, paz y seguridad regional** con importantes **indicadores positivos en desarrollo económico, político, social, disminución de la pobreza, equidad de género y de seguridad ciudadana.** – *В регионе Никарагуа уважают за стабильность, мир и региональную безопасность, хорошие показатели экономического, политического и социального развития, снижение уровня нищеты, равенство полов и безопасность каждого гражданина* (из выступления Никарагуа на 73 сессии ГА ООН).

Особый способ использования местоимений первого лица единственного и множественного числа как части популистского дискурса, в котором «я» лидера трансформируется в «мы», включая сторонников своей идеологии и исключая ее противников [Bolívar, 2017].

Частью стратегии самопрезентации являются сообщения, содержащие апелляции к прецедентным феноменам – историческим фактам, событиям из жизни известных исторических личностей, официальным документам, лидерам мнений современности. Прецеденты ориентированы на усиление собственной позиции, аргументацию проводимой политики, убеждение в правильности предлагаемых путей решения проблем, оказание эмоциональной поддержки, воодушевление массового адресата посредством апелляций к событиям прошлого:

Como se señala en el preámbulo de **la constitución de la UNESCO**. – *Как указано в преамбуле устава ЮНЕСКО...* (из выступления Перу на 77 сессии ГА ООН).

El exsecretario general de la ONU, **Ban Ki-Moon**, decía ... – *Бывший генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сказал ...* (из выступления Эквадора на 77 сессии ГА ООН).

Traigo la voz del pueblo que tiene el honor de ser la cuna del **gran Libertador Simón Bolívar**. – *Я передаю голос народа, который имеет честь быть колыбелью великого Освободителя Симона Боливара* (из выступления Венесуэлы на 73 сессии ГА ООН).

Como la declaración de Independencia de los Estados Unidos de América, que tiene su famosa segunda frase, de la pluma de Thomas Jefferson, y los aportes de Adams y Benjamín Franklin. – *Как и Декларация независимости Соединенных Штатов Америки, в которой есть знаменитая вторая фраза, написанная пером Томаса Джефферсона, и материалы Адамса и Бенджамина Франклина* (из выступления Эквадора на 73 сессии ГА ООН).

Сообщения также содержат апелляции к статистическим данным, служащие цели оказать эмотивный эффект, повысить авторитет оратора как информированного руководителя и демонстрации приверженности страны принятому мировым сообществом курсу и ее участия в вопросах глобального характера. Использование статистических данных содержит отрицательную (голод, безработица, смертность от пандемии) и положительную (климат, темпы экономического роста) оценку.

35 % de nuestro territorio nacional y 30,5 % de nuestros mares, están declarados como áreas naturales protegidas. – *35 % нашей территории и 30,5 % нашего моря являются природными заповедниками* (из выступления Панамы на 77 сессии ГА ООН).

El 80 % de la energía eléctrica de Guatemala, producida a partir de fuentes renovables. – *80 % электроэнергии Гватемалы произведено за счет возобновляемых источников энергии* (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН).

hemos reducido la pobreza extrema de 37 % a 17 %. – *мы сократили уровни крайней нищеты с 37 % до 17 %* (из выступления Боливии на 73 сессии ГА ООН).

828 millones personas, el 10 por ciento de la población mundial, padecen de hambre. – *828 млн человек, 10 % от мирового населения, голодают* (из выступления Кубы на 77 сессии ГА ООН).

Важно иметь в виду, что политический язык латиноамериканских политиков развивается в условиях идеологической поляризации. Сложившийся внешнеполитический контекст в странах Латинской Америки создает условия для политической борьбы и частой смены властных режимов, в которых диалектика самообретения через отрицание приобретает дискурсивно-идеологическое измерение. Функция разделения на «своих» и «чужих» реализуется в языке через специфические дискурсивные стратегии, акцентирующие внимание на противостоянии между различными политическими силами или противопоставлении различных групп. Формы подобного противостояния выражены:

1) дихотомией «богатый-бедный»

Es como si alguien viviera en una casita muy pequeña y muy humilde, pero tuviera un vecino muy muy rico, cuya casa es un hermoso y gigantesco palacio, con inmensas extensiones de tierra y con tesoros inimaginables. – *Как будто кто-то живет в очень маленьком и очень скромном домике, но у него очень, очень богатый сосед, чей дом представляет собой красивый гигантский дворец с огромными участками земли и невообразимыми сокровищами* (из выступления Эль-Сальвадора на 77 сессии ГА ООН).

2) популистскими лозунгами

Ante esa dramática realidad que enfrenta el mundo, hay que **levantar la bandera de sustituir los gastos militares** para la fabricación de armas de destrucción masiva **por una justa compensación económica** que **los países del capitalismo central le deben**, moral e históricamente, **a los países de la**

periferia y a los pobres del mundo. – *Драматические события, охватывающие мир, требуют от нас единства в призыве заменить военные расходы на производство оружия массового уничтожения справедливой компенсацией странам периферии и бедствующим. Это моральный и исторический долг, который лежит на плечах капиталистических стран* (из выступления Боливии на 77 сессии ГА ООН).

Imponiendo su relato falso **nos acusan de ser una dictadura** y un **Estado fallido**, para ocultarle al mundo la verdad: durante las últimas dos décadas se han celebrado en mi país **29 elecciones libres** – *Их фантазии не заканчиваются: они называют нас диктатурой и несостоявшимся государством в попытке скрыть от мира правду – за последние два десятилетия в моей стране прошло 29 свободных выборов* (из выступления Венесуэлы на 77 сессии ГА ООН).

¡Es ahora o nunca! No más guerras fratricidas. No más conflictos innecesarios e injustificados. **No más muertes.** – *Сейчас или никогда! Довольно братских войн. Довольно необоснованных и несправедливых конфликтов. Довольно смертей* (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН).

3) демонизацией оппонентов (с отрицательно маркированными лексемами *dictadura, pobreza extrema, dictadura monetaria, medidas draconianas, sufrimiento, mayorías postergadas, presunta austeridad, desigualdad, desaparición forzada* и др.).

Son los **hermanos venezolanos** que huyen de la **dictadura.** – *Именно братья венесуэльцы бегут от диктатуры* (из выступления Колумбии на 73 сессии ГА ООН).

La actual administración estadounidense ha proclamado la vigencia de la Doctrina Monroe y en un nuevo despliegue de su **política imperial** en la región, **ataca con especial saña a Venezuela.** – *Нынешнее руководство США подтвердило приверженность Доктрине Монро, и их имперская политика в регионе наносит особо жестокие удары по Венесуэле* (из выступления Кубы на 73 сессии ГА ООН).

4) лексикой эмотивной и оценочной семантики (*nuestras tierras sagradas, nuestro Maestro Mágico, el egoísmo que asesina, bárbaros instintos de las fieras, montañas de egolatría e indiferencia*)

Vengo de un país de **belleza ensangrentada.** – *Я прибыл из страны окровавленной красоты* (из выступления Колумбии на 77 сессии ГА ООН);

Muchas veces en la historia, **los magnicidios han sido prólogos** de grandes tragedias. – *История помнит множество примеров, когда убийства выдающихся личностей становились прологом больших трагедий* (из выступления Аргентины на 77 сессии ГА ООН);

De Nicaragua los invasores han salido **expulsados y derrotados** por la **bravura** del Patriotismo Nicaragüense. Nuestro coraje propio ha sido también inspirado por las **Grandes Luchas Libertarias, Revolucionarias y Evolucionarias, de Admirables Pueblos** de este Mundo. – *Из Никарагуа захватчики были изгнаны и побеждены храбростью никарагуанского патриотизма. Наше собственное мужество также было вдохновлено Великой Освободительной, Революционной и Эволюционной Борьбой Замечательных Народов этого Мира* (из выступления Никарагуа на 77 сессии ГА ООН).

Современная политическая речь латиноамериканских политиков имеет консолидационную функцию, содержит ключевые коммуникативные параметры, которые позволяют подтвердить или опровергнуть идейно-прагматическую ориентацию страны. К таким параметрам относится «проамериканская» концепция «Наша Америка», детерминируемая «братской» адресацией (*hermano americano, pueblos Hermanos de nuestra América*), и «просевероамериканская» концепция противостояния, ориентированная на США и содержащая критику правительства Венесуэлы, Кубы и Никарагуа (*dictadura bolivariana, tradición de la democracia*):

En primer lugar, **hermano Csaba Korosi**, permítame saludar su elección como Presidente de la Asamblea General de las Naciones Unidas. – *Прежде всего, дорогой брат Чаба Кёрёши, позвольте мне поздравить вас в связи с избранием в должность председателя Генеральной Ассамблеи ООН* (из выступления Боливии на 77 сессии ГА ООН).

Hoy enfrentamos una vez **la amenaza de los Estados Unidos** para frenar el desarrollo social, económico y cultural de nuestro pueblo. Denunciamos su **intervencionismo** e **injerencismo** – *Сегодня мы вновь стоим перед лицом угрозы США, стремящихся замедлить социальное, экономическое и культурное развитие нашего народа. Мы осуждаем их вмешательство и интервенцию.* (из выступления Никарагуа на 73 сессии ГА ООН).

Desde la República Bolivariana de Venezuela extendemos **un saludo de hermandad.** – *От лица*

Боливарианской республики Венесуэла передаем **братское приветствие** (из выступления Венесуэлы на 77 сессии ГА ООН).

... que fija la hoja de ruta para el desarrollo de ese **continente hermano**. – ... в котором изложена дорожная карта развития этого **братского континента** (из выступления Кубы на 77 сессии ГА ООН).

К другим параметрам относится:

1) дискредитация стран оппозитивного блока

La Argentina llevará a la Corte Penal Internacional la situación relativa a **los crímenes de lesa humanidad de la dictadura venezolana**. – Аргентина обратится в Международный уголовный суд на фоне совершаемых венесуэльской диктатурой преступлений против человечества (из выступления Аргентины на 73 сессии ГА ООН).

Expresamos nuestra solidaridad con **los pueblos de Venezuela y de Nicaragua frente a los abusos del poder**. – Мы солидарны с народом Венесуэлы и Никарагуа, чьи власти злоупотребляют своими полномочиями (из выступления Парагвая на 73 сессии ГА ООН).

2) дихотомия аксиологем «демократия-антиимпериализм»

México continuará haciendo sus mejores esfuerzos diplomáticos para que **la democracia, la paz y el respeto a los derechos humanos se restablezcan** en todos los rincones del continente. – Мексика продолжит прилагать всемерные дипломатические усилия, чтобы **демократия, мир и соблюдение прав человека стали повседневностью на всем континенте** (из выступления Мексики на 73 сессии ГА ООН).

Para el Uruguay, el **sistema democrático forma parte de su historia y de sus mejores tradiciones**. Constituye un rasgo de identidad de nuestra sociedad. – В Уругвае **демократия является частью истории и наших традиций**. Демократия – это отличительная черта нашего общества (из выступления Уругвая на 77 сессии ГА ООН).

Por eso, los invito a trabajar en conjunto para **fortalecer la democracia** en todos los espacios, en cada uno de nuestros países y en la relación entre nuestros países. – Поэтому я приглашаю вас всех совместно работать над **укреплением демократии во всех сферах, в каждой из наших стран и в отношениях между нашими странами** (из выступления Чили на 77 сессии ГА ООН).

El asalto, el atraco, la innoble y abominable depredación, el latrocinio y los genocidios

desatados por los **Colonialistas e Imperialistas**. – **Нападения, грабежи, гнусный и отвратительный разбой, мародерство и геноцид, которые развязали колониалисты и империалисты** (из выступления Никарагуа на 77 сессии ГА ООН).

Continuamos siendo testigos de un mundo en crisis originadas por el **capitalismo salvaje**, por la **injerencia** y las **violaciones al derecho internacional** y a la soberanía de nuestros pueblos, con el uso de la fuerza, intentos de golpes de Estados y desestabilizaciones que amenazan la consecución de los Objetivos del Desarrollo Sostenible planteados en la Agenda 2030. – Мы продолжаем наблюдать за миром, охваченным кризисом **дикого капитализма**, в котором **вмешательство во внутренние дела стран и нарушения международного права и суверенитета наших народов, наряду с использованием силы, попытками устроить государственный переворот и дестабилизировать нашу экономику, от стабильности которой зависит достижение Целей устойчивого развития Повестки 2030, уже не вызывает удивления** (из выступления Никарагуа на 73 сессии ГА ООН).

3) маркированность аксиологем «свобода» (положительная) и «капитализм» (отрицательная) как коммуникативных параметров идейно-прагматической ориентации

Chile tendrá una **Constitución** <...> que sea capaz de reflejar **los anhelos de justicia y libertad**. – Чили будет иметь **Конституцию** <...>, закрепляющая **стремление к справедливости и свободе** (из выступления Чили на 77 сессии ГА ООН).

No podemos dar cabida a discursos que busquen, con ofertas engañosas, **sacrificar la libertad**. – Мы не можем допускать выступлений, в которых политики пытаются, вводя нас всех в заблуждение, **заставить нас принести свободу в жертву** (из выступления Парагвая на 77 сессии ГА ООН).

Esas realidades señora Presidenta, no son fruto del socialismo, **son consecuencia del capitalismo**, especialmente del **imperialismo** y el **neoliberalismo**. – Эти реалии, госпожа председатель, **следствие не социализма, а капитализма, и в особенности империализма и неолиберализма** (из выступления Кубы на 73 сессии ГА ООН).

El **cambio climático** es consecuencia inseparable del **capitalismo**. – Именно **капитализм несет ответственность за изменение климата** (из выступления Боливии на 73 сессии ГА ООН).

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда объектом «братской» адресации в речах стран «просевероамериканского» толка является народ, а не дискриминируемое руководство:

Y sé que el mundo también nos apoyará con este plan de regularización de hermanos venezolanos, que han tenido que salir de su país (из выступления Эквадора на 77 сессии ГА ООН).

Las denuncias de violaciones a los derechos humanos y de las libertades fundamentales de los hermanos nicaraguenses pueden generar otro flujo migratorio en Centroamerica (из выступления Панама на 73 сессии ГА ООН).

Guatemala comparte los mismos intereses y retos con sus hermanos caribeños (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН).

No podemos correr la vista de lo que sucede en otros territorios y dejar a su suerte a naciones hermanas (из выступления Парагвая на 77 сессии ГА ООН).

Por esta razón el Perú condena la ruptura del orden constitucional en Venezuela <...> para ayudar al restablecimiento de la democracia en ese hermano país (из выступления Перу на 73 сессии ГА ООН).

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что параметризация посредством анализа стратегии самопрезентации политика-оратора не только возможна, но и демонстрирует высокий прагматический и экспрессивный потенциал в политическом дискурсе латиноамериканских лидеров. Параметризация в отношении стратегии самопрезентации – это результат разработки системы координат, измерительных категорий и коммуникативных параметров, которые позволяют установить смысл высказывания, определить социальный контекст и прагматическую функцию коммуникативного акта, составить ингерентную имиджевую характеристику. Стратегия самопрезентации может быть исчислена методом прагматического анализа дискурса и разработки модели самопрезентации путем выявления параметрических данных. В политическом дискурсе вербализуются разнообразные аспекты политической, экономической, социальной, исторической, культурной и бытовой жизни социума. Встречаются апелляции к прецедентным феноменам, имеющие целью создать искомый образ страны и ее руководства, сформировать необходимое общественное мнение. Выбор конкретных прецедентных имен характеризует идентичность

политика, служит целям его самопрезентации. Поляризованностью будут характеризоваться выступления лидеров, апеллирующих к таким прецедентным именам, как Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара, Уго Чавес, Симон Боливар, Нельсон Мандела, и, с другой стороны, – Томасу Джефферсону и Бенджамину Франклину.

Выявленные параметры стратегии самопрезентации являются ключевыми элементами концептуальной картины мира политика-оратора, репрезентируют персонализированную и коллективную картину мира.

Библиографический список

1. Антонова Л. Г., Лебедева Е. А. Стратегии самопрезентации языковой личности блогера // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 89–94.
2. Ахмадеев И. Р. Стратегия самопрезентации в ракурсе политической лингвоперсонологии // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 2. С. 466–472.
3. Бондарь О. Ю. Архитектоника латиноамериканского идентификационного дискурса в XX в. (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 21–28.
4. Бочаров Е. В. Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник НГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 120–131.
5. Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 22–36.
6. Зененко Н. В. Параметры системного анализа институционального дискурса разных этнокультур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 39–47.
7. Игнатенко А. В., Вавиленкова Д. В. Персуазивные особенности самопрезентации ораторов в китайских и русских ток-шоу // Modern oriental studies. 2023. № 4. Vol. 5. С. 46–55.
8. Исламова И. Ф. К основаниям типологии коммуникативных стратегий в корпоративном дискурсе // Международный научный журнал «ВЕСТИК НАУКИ». 2024. № 9 (78). Т. 2. С. 256–263.
9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
10. Лежнина А. С., Шаховнина Ю. Б. Речевые тактики реализации стратегии самопрезентации в немецкоязычных lifestyle-блогах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3449–3454.
11. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

12. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. 120 с.

13. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия УрГУ. 2008. № 61. С. 114–122.

14. Сон Л. П. Язык разговорной среды интернет-коммуникации в аспектах системного формирования. Москва, 2023. 352 с.

15. Тамразова И. Г. Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16. Вып. 2 (48). С. 48–54.

16. Федорова К. И., Николаева С. В. Реализация речевой агрессии: стратегия самопрезентации в англоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 162–165.

17. Хорева Л. Г. Этикетная речевая стратегия в испанском дипломатическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 3. С. 44–54.

18. Шелестюк Е. В., Варламова А. С. Коммуникативные интенции, жанры и стратегии: разграничение понятий и классификации // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 96–107.

19. Berrocal M., Thielemann N. Pragmatic patterns and discourses on Twitter: Unpacking perspectives in the discussion of the Turów lignite mine // Journal of Pragmatics. 2024. Volume 224. P. 20–35.

20. Bolívar A. Political Discourse as Dialogue: A Latin American Perspective (1st ed.). London : Routledge, 2017. 224 p.

21. Bolívar A., Block E. The Latin American political discourse // The Routledge Handbook of Political Communication in Ibero-America. 2024. P. 49–60.

22. Cap P. The Discourse of Conflict and Crisis: Poland's Political Rhetoric in the European Perspective. London : Bloomsbury. 2021. 184 p.

23. Chilton P. A., Schaeffner C. Discourse and politics // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. London : Discourse as Social Interaction, 1997. Vol. 2. P. 206–230.

24. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London : Sage Publications, 1981. P. 195–224.

25. Guervós de Santiago J. La relexicalización en el discurso político actual: el ejemplo de populismo a través de la prensa española // Boletín de la Real Academia Española. DRAE. 2015. Tomo XCV. Cuaderno CCCXII. Julio-Diciembre. P. 471–500.

26. Pan J. An Analytical Framework and a Comparative Study of Policy Speeches in the United Kingdom and Hong Kong. In: J. Pan, S. L. Halverson and J. Munday

(eds), *Interlingual Readings of Political Discourse*. Leiden : Brill. 2024. P. 180–215.

27. Saul J. Dog whistles, political manipulation, and the philosophy of language. In D. Fogal, D. Harris and M. Moss (eds), *New Work on Speech Acts*. Oxford : Oxford University Press. 2018. P. 360–383.

28. van Dijk, T. *Racism and Discourse in Latin America*. Plymouth : Lexington Books, 2009. 258 p.

Reference list

1. Antonova L. G., Lebedeva E. A. Strategii samoprezentacii jazykovoj lichnosti blogera = Strategies for self-presentation of a blogger's linguistic personality // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2015. № 2. S. 89–94.

2. Ahmadeev I. R. Strategija samoprezentacii v rakurse politicheskoy lingvopersonologii = Self-presentation strategy in terms of political linguistic personology // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2022. T. 27. № 2. S. 466–472.

3. Bondar' O. Ju. Arhitektonika latinoamerikanskogo identifikacionnogo diskursa v XX v. (chast' 1) = Architectonics of Latin American identity discourse in the XXth century (part 1) // *Vestnik RUDN. Serija: Filosofija*. 2016. № 2. S. 21–28.

4. Bocharov E. V. Strategija samoreprezentacii i rechevye taktiki v politicheskom diskurse (na materiale publicnyh vystuplenij politikov Latinskoj Ameriki v OON) = Self-representation strategy and speech tactics in political discourse (based on public speeches of Latin American politicians at the UN) // *Vestnik NGU Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2024. T. 22. № 1. S. 120–131.

5. Budaev Je. V. Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovanija = Precedent names in the media: research methodologies // *Politicheskaja lingvistika*. 2021. № 3 (87). S. 22–36.

6. Zenenko N. V. Parametry sistemnogo analiza institucional'nogo diskursa raznyh jetnokul'tur = Systemic analysis parameters of different ethnocultures' institutional discourse // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*. 2023. № 3. S. 39–47.

7. Ignatenko A. V., Vavilenkova D. V. Persuazivnye osobennosti samoprezentacii oratorov v kitajskih i russkih tok-shou = Persuasive features of speakers' self-presentation in Chinese and Russian talk shows // *Modern oriental studies*. 2023. № 4. Vol. 5. S. 46–55.

8. Islamova I. F. K osnovanijam tipologii kommunikativnyh strategij v korporativnom diskurse = Towards the basics of typology of communication strategies in corporate discourse // *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «VESTNIK NAUKI»*. 2024. № 9 (78). T. 2. S. 256–263.

9. Karasik V. I. O tipah diskursa = On types of discourse // *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs*. Sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 2000. S. 5–20.

10. Lezhnina A. S., Shahovnina Ju. B. Rechevye taktiki realizacii strategii samoprezentacii v nemeckojazychnykh

nyh lifestyle-blogah = Speech tactics for implementing self-presentation strategies in German-language lifestyle blogs // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023. T. 16. Vyp. 10. S. 3449–3454.

11. Mihaleva O. L. Politicheskij diskurs. Specifika manipulativnogo vozdejstviya = Political discourse. Specificity of manipulative influence. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

12. Romanova T. V. Ideologemy i aksiologemy russkogo jazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki nacional'noj mental'nosti = Ideologemes and axiologemes in Russian linguistic mind as a reflection of the constants and dynamics of national mentality: monografija. Nizhnij Novgorod : DEKOM, 2019. 120 s.

13. Rusakova O. F. Politicheskaja diskursologija: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskie osnovaniya = Political discourseology: relevance of research, theoretical and methodological foundations // *Izvestija UrGU*. 2008. № 61. S. 114–122.

14. Son L. P. Jazyk razgovornoj sredy internet-kommunikacii v aspektah sistemnogo formirovaniya = The language of the speech environment in Internet communication from the point of view of systemic formation. Moskva, 2023. 352 s.

15. Tamrazova I. G. Rechevaja personologija: jeristicheskaja tonal'nost' i imidzh politika = Speech personology: eristic tone and the image of a politician // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. T. 16. Vyp. 2 (48). S. 48–54.

16. Fedorova K. I., Nikolaeva S. V. Realizacija rechevoj agressii: strategija samoprezentacii v anglojazychnyh SMI = Implementing speech aggression: self-presentation strategy in English-language media // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota. 2016. № 8 (62): v 2-h ch. Ch. 2. C. 162–165.

17. Horeva L. G. Jetiketnaja rechevaja strategija v ispanskom diplomaticheskom diskurse = Etiquette speech strategy in Spanish diplomatic discourse // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2022. № 3. S. 44–54.

18. Shelestjuk E. V., Varlamova A. S. Kommunikativnye intencii, zhanry i strategii: razgranichenie

ponjatij i klassifikacii = Communicative intentions, genres and strategies: delimitation of concepts and classifications // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. № 8 (490). S. 96–107.

19. Berrocal M., Thielemann N. Pragmatic patterns and discourses on Twitter: Unpacking perspectives in the discussion of the Turów lignite mine // *Journal of Pragmatics*. 2024. Volume 224. P. 20–35.

20. Bolívar A. Political Discourse as Dialogue: A Latin American Perspective (1st ed.). London : Routledge, 2017. 224 p.

21. Bolívar A., Block E. The Latin American political discourse // *The Routledge Handbook of Political Communication in Ibero-America*. 2024. P. 49–60.

22. Cap P. The Discourse of Conflict and Crisis: Poland's Political Rhetoric in the European Perspective. London : Bloomsbury. 2021. 184 p.

23. Chilton P. A., Schaeffner C. Discourse and politics // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. London : Discourse as Social Interaction, 1997. Vol. 2. P. 206–230.

24. Graber D. Political Languages // *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London : Sage Publications, 1981. P. 195–224.

25. Guervós de Santiago J. La relexicalización en el discurso político actual: el ejemplo de populismo a través de la prensa española // *Boletín de la Real Academia Española. DRAE*. 2015. Tomo XCV. Cuaderno CCCXII. Julio-Diciembre. P. 471–500.

26. Pan J. An Analytical Framework and a Comparative Study of Policy Speeches in the United Kingdom and Hong Kong. In: J. Pan, S. L. Halverson and J. Munday (eds), *Interlingual Readings of Political Discourse*. Leiden : Brill. 2024. P. 180–215.

27. Saul J. Dog whistles, political manipulation, and the philosophy of language. In D. Fogal, D. Harris and M. Moss (eds), *New Work on Speech Acts*. Oxford : Oxford University Press. 2018. P. 360–383.

28. van Dijk, T. Racism and Discourse in Latin America. Plymouth : Lexington Books, 2009. 258 p.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 20.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025